

РОМАН СЕНЧИН

ЁЛКА

РАССКАЗ

Утром Зоя Сергеевна почувствовала себя лучше и решила поехать в город — кончались лекарства.

Можно было отдать рецепты Ольге, соработнику, но что уж совсем в избе скисать. Съездит, походит хоть возле станции по магазинам, на жизнь посмотрит. Прикупить чего-нибудь вкусного надо — Новый год на носу...

До часу дня береглась, меньше шевелилась, стараясь не потерять редкое теперь состояние, когда ничего не давит, не ломит, ноги двигаются, в глазах ясно, грудь дышит.

Осторожно оделась в выходное, с боязливой медлительностью сняла с полочки сапоги, которые не обувала несколько месяцев. Но они не ссохлись, и ноги не распухли. Слава Богу.

Открыла шкаф, достала шубу, которой до сих пор гордилась. За сорок лет шуба поистерлась, лезла, но по-прежнему была ей дорога. Вся жизнь вспоминалась, когда вынимала её из чехла, тоже старого, напитанного пылью, которую не выбить, не выстирать, — вросшей в ткань пылью времени...

С каждым разом шуба становилась для Зои Сергеевны тяжелее и тяжелее, и сегодня она испугалась, что придавит, прижмёт к земле и не даст идти.

Но отважилась, надела и в этот раз, постояла, привыкая к ней. Прошла немного — от шкафа до двери и обратно, — поняла: выдохнет.

СЕНЧИН Роман Валерьевич родился в 1971 году в городе Кызыле Тувинской АССР. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Автор нескольких книг прозы и публицистики. Лауреат премий “Ясная Поляна”, Правительства России, “Большая книга” и др. Публикуется в “Нашем современнике” с 1998 года. Живёт в Екатеринбурге.

Закуталась в платок, на платок нахлобучила твёрдую, будто кость, соболью шапку, пошитую по моде семидесятых, а сейчас смешную и нелепую. Зато, как и шуба, дорогую ей. Тёплую. Взяла потрескавшуюся кожаную сумку с документами, таблетками и ещё одной сумкой, тряпичной, для покупок, и вышла.

Замкнула избяную дверь, потом сенную, потом калитку, медленно, толкая вперёд то одну ногу, то другую всем телом, побрела по тропинке, похожей на туннель, меж снежных стен к остановке.

...Съездила благополучно. За два часа от прихода в город дневного и отхода из города вечернего автобусов успела выкупить лекарства, обойти несколько магазинов. Тряпичная сумка наполнилась сосисками, замороженными пельменями, куском копчёной горбуши, мягкими пряниками, пакетиком шоколадных конфет, мандаринками. Конфеты и мандаринки раздаст соседским ребятишкам тридцать первого числа...

Брала всего Зоя Сергеевна понемногу, но всё равно сумка быстро стала почти неподъёмной.

— Что ж, ладно...

Постояла, отдыхая, на крыльце “Ермолинских полуфабрикатов”. Смотрела на спешащих людей, едущие машины, на дома в пять этажей, пестроту рекламных вывесок.

Город был крошечный — разросшееся село, — но для Зои Сергеевны он давным-давно стал центром мира.

Сюда, в этот район, она приехала в девятнадцать лет, после окончания педучилища в Костроме. Где родилась, кто её родители, Зоя Сергеевна не знала. Её вырастили в детском доме, куда попала трёхлетней, весной сорок второго. Может быть, была из эвакуированных детей Ленинграда, может, ещё кем-то; потом, много десятилетий подряд, она слушала по радио передачи Агнии Барто и Левитана и ждала, ждала, что вот сейчас услышат, что ищут её, девочку по имени Зоя, которая была одета в бордовое пальто и белую вязаную шапочку, у неё родинка на левой руке возле локтя... Берегла сохранённые воспитательницами пальтишко и шапочку как доказательство, что это она. Но никто её не искал.

Приехала сюда по распределению, была направлена в деревню, учила детей. Вышла замуж, родились двое сыновей. Три десятка лет жили крепкой семьёй, а теперь — снова одна.

Дальше этого города она была один раз, в Костроме, на пятидесятилетии их выпуска. Сюда же ездила часто с мужем — отдохнуть от деревни. Сидели в молодёжном кафе, ходили в театр, хоть и любительский, но настоящий, ночевали в гостинице с ванной и унитазом, брали и возвращали в библиотеку книги; здесь Зоя Сергеевна рожала детей, здесь лежала в больнице, навещала в больнице мужа...

Рядом с автостанцией была столовая, и Зоя Сергеевна поела в ней. Когда-то брезговала есть не самой приготовленное, мутило от запаха общественной кухни, и вспоминался детдом, а в последние годы потянуло... Солянка оказалась вкусной, сытной, и второе — куриную грудку с картофельным пюре — она не доела. Выпила полстакана брусничного морса, посмотрела на часы. Пора.

Вечерний автобус был полон, но стоять не пришлось. Какая-то девушка уступила место.

— Спасибо, — изо всех сил стараясь выказать благодарность, что давалось ей всё труднее, сказала Зоя Сергеевна.

Место оказалось у окна. Внизу был обогреватель, и подмёрзшим ногам быстро стало тепло, хорошо. Но нашлось, о чём поволноваться, — пельмени в сумке наверняка оттаивали. Слипнутся, и потом мучайся с ними...

Отодвинула сумку как можно дальше от обогревателя, подставила кондукторше льготную карточку, чтоб отметила своей пищалкой, и стала смотреть в окно.

Природа у них неживописная. Поля, поля, и лишь в редких колках — рощицы берёзок. Поля поделены снегозащитными полосами из тополей. Сейчас, в декабре, тополя совсем чёрные, страшные, как скелеты чудовищ.

И всё это — до самого горизонта, до самого горизонта. Равнинная Сибирь. Их село, как и другие здесь, среди полей. Зелени мало, а теперь так вообще серое одноцветье. Скопление сухого дерева и строительного камня.

Попросила кондукторшу остановить поближе к дому. Та поворчала: “Не положено, нам за это выговор”, — но сказала что-то водителю, и тот кивнул. Кондукторша, в свою очередь, кивнула Зое Сергеевне.

Несла сумку, и с каждым шагом радовалась всё сильнее: дойдёт, и на этот раз смогла, значит, и ещё съездит, и ещё. Как нормальный, полноценный человек. Гордилась собой, очередной победой над немощью.

Вот уже прясла её поля под картошку — сейчас оно ровно покрыто снегом, а летом почти всё зарастает лебедой и свекольником. Ей картошки много не надо... Вот забор огорода, невысокий, с щелями; вот дотелепалась и до глухого забора, за которым двор.

Свернула к воротам и остановилась: сильно, но мягко, как подушкой по голове, ударила, оглушила перемена — чего-то, что привыкли встречать глаза, не доставало. Этого важного, а может, и главного теперь.

Минуту или несколько секунд, растянувшихся для неё до долгой минуты, Зоя Сергеевна старалась понять, чего же нет.

Не было ёлки в палисаднике. Была сорок лет, и вот исчезла.

Не веря себе, Зоя Сергеевна медленно подошла к изгороди. На снегу глубокие следы ног и проволоченных веток, зеленело несколько иголок, а на том месте, где росла ёлка, торчал пенёк и желтели крошечки опилок...

Зоя Сергеевна растерянно огляделась по сторонам. Улица была пуста, окна домов темны и безжизненны. Все, даже собаки, часто бегавшие на воле, казалось, попрятались и следили за её бедой. И деревня, ставшая родной за шестидесять лет жизни здесь, сразу стала чужой, враждебной, опасной.

Глотая едкие слёзы, текущие из глаз не на лицо, а внутрь, в горло, втащила в избу. Хватаясь за печку, буфет, стену, дошла до кровати. Упала на неё. И покатила то ли в сон, то ли в смерть, но вспомнила, что на полу осталась сумка, а в ней — пельмени.

Привыкнув отодвигать болезни, горе, усталость выполнением необходимых и срочных дел, поднялась, разобрала продукты, а потом уж легла. И снова покатила...

“Печку затопи, — потребовал какой-то, словно снаружи, голос, — вымерзнет ведь, и околешь”.

Но она мысленно отмахнулась: “И пусть теперь. Пора”. Лишь натянула поверх шубы край покрывала...

Не околела. Утром стукнули в дверь, а потом та закричала. Шаги.

— Тётъ Зой... — голос соработницы Ольги, прозвучавший и испуганно, и будто с облегчением.

Зоя Сергеевна открыла глаза. Поняла, что не спала. В другом каком-то состоянии находилась — не во сне.

Ольга вошла в комнату, повторила:

— Тётъ Зой...

Всматривалась в её лицо; Зоя Сергеевна шевельнула рукой, и Ольга жалобно улыбнулась:

— Живы? Слава Богу!

— Оля, они... — Зоя Сергеевна не знал, кто эти “они”, но ведь кто-то сделал это. — Они ёлку срубили.

— Ёлку?... Ой, значит, вашу на площади ставят.

— Что? — К Зое Сергеевне стала возвращаться жизнь.

— Да на площади ёлку ставят. Я шла, ещё думаю, откуда такая... Вы не волнуйтесь, тетъ Зой, не волнуйтесь только.

Ольге было уже под пятьдесят, но Зою Сергеевну она называла так по привычке — тетей. А Зоя Сергеевна в последние годы старалась воспринимать её только как соработника, вообще хотела забыть прошлое, чтоб не мучить больную, старую, но такую живучую душу, хотя то и дело видела в Ольге девочку, переходила с сухого общения к сердечному...

— Оля, послушай, — стала просить, — ты меня доведи туда. Пожалуйста.

— Сейчас? Давайте дом протопим, чаю выпьете. Вы ведь замёрзли совсем.

— Пойдём, Оля... пойдём...

Зоя Сергеевна не знала, зачем надо идти в центр села, смотреть на срубленную ёлку. Чтобы ещё сильнее расстроиться? Кому-то в глаза посмотреть?.. Но идти было необходимо. Как на прощанье с дорогим покойником.

Ночью выпал свежий снег, и опилок в палисаднике, бороздок от проволочных веток видно не стало. Будто и не росло здесь ничего сорок лет.

Сорок, а вернее, лет сорок пять назад Зоя Сергеевна привезла из Костромы маленькую ёлочку. На память. Решили тогда с однокурсницами накопать ёлочек и развести по всему Союзу, по тем уголкам, куда их разбросало.

Посадили вместе с мужем и сыновьями. Старшему было тогда девять, младшему — шесть... Поливать деревце было их обязанностью, чуть ли не главным делом всего детства. Без полива в их климате ёлка могла погибнуть за две недели.

Не погибла — вымахала высокой, пушистой. Давно нет старшего сына, нет мужа, четыре года назад умер младший, и ёлка осталась её единственным близким существом. Где-то есть внучата, но где они...

И опираясь на руку Ольги, как ей казалось, шагая, а на самом деле с трудом, медленно переставляя ноги, Зоя Сергеевна видела перед глазами одну и ту же картину, чёткую, словно это было сейчас, наяву: они четвером на тихом летнем закате вкапывают в землю крошечный колючий комочек. И муж учит сыновей: “Высоко ствол нельзя засыпать, а то погибнет. Вот, видите эту полоску? До неё надо. И поливать, поливать не забывайте. Ёлочки воду очень любят”.

Муж постепенно старел, сыновья выросли, ёлка росла. И вот пережила всех, кроме неё... Не раз Зоя Сергеевна задумывалась, что вот она умрёт, избу, ветхую, с рассыпающимися завалинками и трухлявыми углами сруба, растащат на дрова, её место зарастёт крапивой, а ёлка будет расти ещё долго-долго. Кому она нужна, кому мешает... Только радует взгляд вечной зеленью.

— Передохните, тётя Зой? — спросила Ольга. — Совсем тяжело дышите.

— Ничего... дойду...

Дошла. Увидела на площади, которую окружали клуб, сельсовет и заброшенный нынче кирпичный универмаг, свою ёлку. Её как раз наряжали двое парней. Один стоял на стремянке, другой подавал ему большие золотистые шары.

— Вам кто... Вам кто разрешил пилить! — крикнула Зоя Сергеевна.

Обернулись. Узнала — местные, она их учила, и муж учил. Она в первых классах, он потом — физике... Сейчас не помнила, как их зовут.

— Кто разрешил? — повторила, чувствуя, как её заливают раскалённый гнев, топя собой горе. — Воры!

— Чего — воры, — обиженно ответил один, со стремянки, и шар на шнуре в его руках закачался. — Нам Дмитрий Палыч сказал. Срочно, сказал.

— Кто это — Дмитрий Палыч? — Зоя Сергеевна растерянно повернулась к Ольге.

— Ну как — глава. Глава администрации. Дима Черногривов.

— Дима...

Ей представился Черногривов. Не таким, какой стал сейчас, а каким был в школе. Хорошо учился, хорошо себя вёл, был правильным и дисциплинированным... Окончил одиннадцать классов и поступил в институт. Потом где-то работал. Вернулся сюда лет пять назад — был назначен главой их села... Муниципального образования, как сейчас говорят.

Встречала его Зоя Сергеевна считанные разы — на улицу выходила редко, — но каждый раз он вежливо с ней здоровался. Как-то спросил про самочувствие, нужна ли какая помощь.

— Дима... Дима не мог... И не надо врать мне тут.

— Да вон он сам. Спросите.

Дима, Дмитрий Палыч, шёл к ним от здания сельсовета твёрдым, уверенным шагом. Снег повизгивал под его подошвами.

— Здравствуйте! — кивнул разом. — Что случилось?

— Да как — что... — Гнев Зои Сергеевны снова сменился горем. — Взяли и срубили... Это ведь для меня... Это ведь память...

— Сочувствую. Но!.. Но дерево мы были обязаны демонтировать уже давно. Это регламентируется законом, — стал объяснять Дмитрий Палыч без напора, нервов, но так, что каждым словом будто вбивал в голову Зои Сергеевны гвозди. — Ель была угрозой и для жителей, которые ходили мимо, и для вас самой. У елей очень слабая корневая система неглубокого залегания. Любой ураган мог повалить её на ваш дом. Дерево, — Дмитрий Палыч взглянул на ёлку, — серёзное, поэтому могло причинить большие разрушения, а не дай Бог и к жертвам привести. Поэтому, уважаемая Зоя Сергеевна, это необходимость. Любая проверка могла нам такое устроить...

— А меня, — наконец, нашла силы ответить Зоя Сергеевна, — а меня спросить?

— Я ребятам велел, чтобы предупредили. Они постучали — вас не было. И демонтировали без вас.

— Но ведь это мой участок. Без меня как же? Как воры залезли...

Дмитрий Палыч приподнял руку, как бы защищаясь, а точнее, предостерегая Зою Сергеевну.

— А вот здесь — секундочку. Мы как раз перепроверяем кадастровые документы, и увидели, что палисадник не входит в территорию вашей усадьбы. Так что по закону, — он выделил последнее слово, — посадка находилась на улице. В общественном месте. Поэтому, Зоя Сергеевна, не сердитесь и поймите нас правильно — мы заботимся о благополучии всех жителей нашего села. А чтоб дерево принесло пользу, решили использовать его как новогоднюю ель.

Придавленная этим стальным монологом, Зоя Сергеевна развернулась и пошла в сторону дома. Её нагнала Ольга.

— Вы только не переживайте, — зачастила она, беря под руку, — может, он и прав. Ладно? Пойдёмте... У меня ведь уже время выходит, к Верре Михайловне ещё надо... Воды-то вам нужно? Прибраться?.. Печь затопить?

Зоя Сергеевна молчала. Передвигала ноги, слепо смотрела вперёд... Она не раз лежала в больнице, были и две операции. Но из неё ничего не вырезали. А сейчас было ощущение, что вырезали. Душу, может быть. Вырезали и бросили прочь. И вот она существует, шевелится, вдыхает и выдыхает, но уже не живёт. Даже горя уже не чувствует, не сжимается что-то в груди, когда вспоминает о муже, о сыновьях, о внуках, которых давно не видела и наверняка уже не увидит...

Почти месяц не выходила за ворота. Да и во двор — лишь до туалета и взята дров из поленницы. Ольга несколько раз заговаривала про баню — Зоя Сергеевна отмахивалась: не надо. И добавляла про себя: “Умру, вот и помоют, наверно”. Жалости к себе не чувствовала, наоборот, какое-то презрение: не только ёлку не сберегла, но и этому Диме ничего не ответила — выслушала объяснения-плевки, утёрлась и пошла.

Ольга готовила еду раз в три дня, приносила воду, мыла посуду, протапливала печь и просила, чтобы Зоя Сергеевна топила.

— Если что случится с вами, — почти плакала, — на меня ведь всё повалят. Уволят, ещё и дело заведут. Держитесь, пожалуйста. Весна скоро.

Зоя Сергеевна держалась: бросала полешки в топку, что-то ела из кастрюлек. Видела в холодильнике киснувшие, с синеватыми лишаями плесени мандарины, которые покупала для соседских ребятшек, и ощущала нечто вроде удовольствия: позволили ёлку спилить, и не достались вам мандаринки, и ничего больше от меня не получите.

В конце января собралась с силами и духом, вышла за калитку. К хлебовозке. Долго перед тем убеждала себя, что очень хочет пирожок с луком и яйцами. Вот съест его, и вернутся силы, желание жить.

Могла попросить Ольгу — хлебовозка раз в три дня в одно и то же время объезжала село. Кроме хлеба, в будочке были пирожки, печенье, сухарики, но нужно было купить самой. Обязательно... Зоя Сергеевна посмеивалась

над этой мыслью, над тем, что таким способом хочет обмануть себя, вернуть душу, и всё же убеждала: вставай, оденься, выйди.

И вот собралась к тому часу, когда хлебовозка — старый “уазик”, прозванный “таблеткой”, — должен был проезжать по их улице. Услышала гудок, поднялась со стула, толкнула дверь.

Брела к машине, не глядя в сторону палисадника. Все силы вкладывала в то, чтоб не повернуть голову.

— О, Зоя Сергеевна, — обрадовался ей хлебовоз Виктор, — давненько не видно вас. Болели или уезжали куда на праздники?

— Куда мне ехать... Три пирожка с луком и яйцами. — Протянула деньги, и рука задрожала — Зоя Сергеевна испугалась, что пирожков нет, и тогда обратно она уже не дойдёт...

Витя тряхнул головой, выдвинул один из деревянных лотков, надел на руку полиэтиленовый мешочек и зачерпнул в него три пирожка.

— Пожалуйста. Ещё тёплые. — Принял деньги, горстку монет, стал считать.

— Тут без сдачи. — Зоя Сергеевна заранее набрала нужную сумму, несколько раз проверяла.

— Ага, спасибо. Ну, здоровья вам.

Понесла пирожки домой, забылась и глянула на то место, где месяц назад зеленела высокая и пушистая ёлка. Теперь там стояло что-то бледно-зеленое, покрытое снегом.

На секунду Зое Сергеевне показалось: время открутилось на много-много лет назад, когда ёлка ещё была маленькой, и сейчас её встретят в избе муж, сыновья-школьники. Обрадуются пирожкам. Даже успела пожалеть, что купила три, а не четыре...

Подошла ближе. Это была искусственная ёлочка. Кое-где висели нити золотого дождя, а к одной из веток была прикреплена провололочкой бумажка.

Зоя Сергеевна сорвала её, стряхнула снег. Прочитала, отводя бумажку подальше от дальних глаз:

“Бабушка Зоя, мы очень сожалеем, что твою ёлку срубили. Мы даже не веселились, когда увидели её на площади. Мы дарим тебе нашу ёлку. Пусть она здесь стоит. Она не вырастет, но будет. Дети”.

Наверное, нужно было заплакать. Но ей не плакалось. В груди было пусто и темно... Смяла бумажку, сунула в карман пальто. Пошла дальше. Пирожки остывали.